

Опера по-нарошку: «Волшебная флейта» от Питера Брука.

Свой последний сезон 2009/2010 Брук закончил притчей о жизни и смерти двух мудрецов из суфийского ордена Тиджани, «*Eleven and twelve*».

В этом году для своего последнего спектакля он выбрал «Волшебную флейту» Моцарта, и здесь символически конец совпадает с началом, так как дальше руководить Буфф дю Нор будут два антрепренера, Оливье Мантей и Оливье Пубель, пришедшие из мира музыкального театра. Сам патриарх так объяснил неожиданность своего выбора: «Не для того я всю жизнь боролся с традицией и утверждал, что театр должен постоянно развиваться, чтобы теперь назначить преемника, который следовал бы моей традиции».

Он мечтал о «Волшебной флейте» давно, но поставил только сейчас. «Я всегда питал ненависть к этой застывшей форме, не только к жанру, но и к самому институту оперы», - не раз признавался Брук. Понятно, что и новая постановка - вольная интерпретация Моцарта, не случайно название, «*Une flûte enchantée*», «Одна волшебная флейта». 30 лет спустя после «Трагедии Кармен», настоящей оперной революции, перевернувшей восприятие жанра, Питер Брук пытается открыть по тому же принципу (отсутствие декораций, оркестра, упрощенное и театрализованное либретто, молодые исполнители) «Волшебную флейту» Моцарта.

Photo Pascal Victor

Сцена из спектакля

Что получилось? В театре Буфф дю Нор, даже если патина времени эффектно просматривается сквозь красноватую терракоту, как известно, нет ни подиума, ни оркестровой ямы, так что магический круг образуют сами зрители, находящиеся в почти интимном контакте с исполнителями. Спектакль идет без оркестра, в облегченном варианте- избранные арии поются под стоящий на сцене рояль. Избранные- потому что опера сокращена до часа сорока, и это не спектакль большого стиля, а попытка возвращения к «зингшпилю», таким, каким, вероятно, он мог быть во время Моцарта - веселое представление, в котором арии (на немецком) чередуются с разговорными диалогами (здесь- на французском), в основном комическими.

Брук работает с оперными солистами, как с драматическими актерами. Молодые певцы, разгуливающие по сцене босиком и в современных одеждах, неплохо усвоили драматическую игру, особенно Папагено- Томас Долье. Вообще, фарсовая сторона удалась лучше всего, бесконечно остроумно додуманы диалоги, исполнители то и дело вступают в прямой контакт с публикой. Так ария Зарастро о том, что «Женским сердцем должен управлять мужчина. Без такого руководства женщине не выжить», разбивается ироничным обращением от театра в зрительный зал: «А что вы по этому поводу думаете, Месье?». Запутанный изотерический сюжет о поисках истины превратился под рукой Брука в бесхитростную историю о романтической любви принца Тамино и дочери царицы Ночи, Папины. Естественно вся масонская символика, все эти « три дамы, три храма, три жреца», лирические хоралы братства, отброшена. Наибольшим купюрам подверглась вся сюжетная линия, связанная с образом Зарастро, противостояние светлого и темного начал, Зарастро и Царицы Ночи, тоже не воспринимается всерьез. Так же как испытания, которые должен пройти принц, лишены какой-бы то ни было эмоциональной насыщенности и драматизма.

Такая наивная сказка, где оперные партии, даже спетые живо и временами виртуозно (как Малиа Бенди-Мерад - царица Ночи), кажутся только фоном для главного, театрального высказывания, которое ведет блистательный актер Уильям Надилам(он играл когда-то Гамлета), один из двух Комедиантов, которых режиссер вводит в сюжет «Флейты».

Photo Pascal Victor

В роли Комедианта- Уильям Надилам

Эти темнокожие бруковские актеры- одновременно «служители просцениума» старинного театра, и повелители сцены. Сцена, заметим, как всегда пуста. Декорация- всегдашние коврики и еще вертикальные бамбуковые шесты, которыми с легкостью восточных актеров манипулируют «служители просцениума» чтобы очертить

пространство дворца, темницы или лабиринта. Именно Надилам, а не маг Зарастро, ведет игру, именно ему ведома чудесная власть над героями этой «Волшебной флейты», как будто переписанной для шекспировского Просперо. И главный знаковый жест тоже отдан ему- после смазанно звучащего финала о «триумфе посвященных», Надилам при замороженном внимании всей труппы поднимает флейту с земли и легким движением руки, забрасывает, уже невидимую, в небеса. Не то Брук возвращает ее Моцарту, не то символически передает новому претенденту на волшебный дар.

Режиссер предлагает личностный контакт с музыкой Моцарта, как когда-то с музыкой Бизе в «Трагедии Кармен». Но здесь добавилось иное. Стремление к последней простоте, которой одержим 85- летний Брук, обернулось в «Волшебной флейте» повествовательной интонаций, исключаяющей эмоциональное напряжение. А это не совсем тот волшебный ключик, которым открывается шедевр Моцарта. Да и война оперным штампам и фальшивой декоративности, провозглашенная Бруком 30 лет тому назад, давно уже выиграна, опера сегодня стала скорее синонимом самых смелых экспериментов, далеких от пресловутой вампуки.